

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1966.3.05>

Н. БАССЕЛЬ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЭСТОНСКИХ РОМАНАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ПРОБЛЕМЫ ХАРАКТЕРА И СЮЖЕТА)

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. явилась суровым испытанием для всех советских народов, особенно для народов Прибалтики, вступивших в братскую семью советских социалистических наций лишь летом 1940 г. Последнее обстоятельство не могло не наложить своеобразного отпечатка на сам процесс становления эстонской, латышской и литовской наций как наций социалистических: война явилась для них временем массовой переделки человеческого материала, его идейного и духовного преобразования. Поэтому столь существенное место в произведениях эстонских советских писателей о войне занимает проблема мировоззренческой трансформации эстонцев — вчерашних граждан буржуазного мира — в горниле военных испытаний. Особенное звучание приобретает эта проблема в таких романах, опубликованных после исторического XX съезда КПСС, как: «Солдаты идут домой» Г. Леберехта (1956), «Два «я» Энна Кальма» П. Куусерга (1960), «Деревня без мужчин» Л. Промет (1960), «Рассказ Эмайыги» Л. Вахер (1960). Не вызывает сомнений, что речь здесь идет о проблеме наполнения национального характера интернациональным содержанием и одновременно — о качественной эволюции самого типа социальных взаимоотношений между людьми. На материале эстонских романов о войне можно наглядно проследить процесс нарастания той внутренней интернациональной наполненности произведений советских национальных литератур, который следует рассматривать как один из путей сближения культур советских социалистических наций.¹ Это нарастание идет в первую очередь «по линии» сюжета и характеров произведения как наиболее содержательных компонентов его художественной структуры. Если вопросы диалектики национального и интернационального в характере нашли довольно подробное освещение в ряде исследований последних лет², то эта же диалектика применительно к сюжету остается до сих пор мало разработанной.³ Один из возможных методологических «выходов» к решению этой проблемы видится нам в отпавлении от существующих в советском литературоведении концепций сюжета в целом. Так, исходя из извест-

¹ См. об этом в Программе Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 115.

² См. об этом К. Краулинь, К вопросу о национальном характере в латышской литературе. «Вопросы литературы» 1958, № 8, стр. 120—137; Г. Ломидзе, Единство и многообразие. М., 1960; Национальное и интернациональное в литературе и искусстве. М., 1964; Проблемы развития литератур народов СССР. М., 1964; Ю. Суровцев, На путях научной методологии. «Вопросы литературы» 1965, № 8, стр. 102—126 и др.

³ См. Кирей Мэргэн, Некоторые вопросы национальной формы советской литературы. В кн.: В братском единстве. М., 1954, стр. 365—374. Однако автор данной статьи не выходит за пределы вопроса о «национальных сюжетах», уходящих корнями в фольклор того или иного народа.

ной горьковской концепции сюжета как «связей, противоречий, симпатий и антипатий и вообще взаимоотношений людей — историй роста и организации того или иного характера, типа»⁴, можно проследить, как эволюционирует сам тип этих взаимоотношений и как «у советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений»⁵ в нашей стране. Основываясь на концепции В. Цвиркунова⁶, можно идти к рассмотрению того, как в сюжете того или иного произведения отображены «типические обстоятельства» эпохи в широком, интернациональном, и более узком, так сказать локально-национальном, масштабах.

Наконец, на базе теории Е. Добины о сюжете как носителе авторской концепции действительности⁷ можно установить, насколько интернациональна, объемна эта концепция.

При рассмотрении того или иного произведения на первый план может быть выдвинут один из перечисленных нами аспектов проблемы сюжета; другие будут просматриваться менее рельефно, но рассмотрены будут, поскольку речь идет о романе как произведении большой эпической формы.

Очевидно также, что в том или ином романе интернациональное будет более отчетливо выступать либо в теме, либо в проблематике и т. п. — в зависимости от авторского замысла.

Но есть одна проблема, одинаково существенная для любого случая — это наполнение национального характера интернациональным содержанием (учитывая некоторую условность и односторонность термина «наполнение», мы все же допускаем возможность его употребления как рабочего термина). Поскольку речь пойдет об эстонском военном романе, постараемся несколько конкретизировать эстонский аспект данной проблемы.

Как известно, одной из наиболее распространенных концепций идеологов буржуазной Эстонии была «теория» об исконности и неизменности таких черт эстонского национального характера, как индивидуализм, замкнутость, необщительность, сдержанность, скрытность и т. п. Полная несостоятельность подобных «теорий» с точки зрения марксистско-ленинской концепции общественного развития очевидна. Однако существует определенная устойчивость ряда веками укоренившихся черт психического склада нации, истоки которых следует искать не только в социальных условиях жизни народа, но и в его этнической истории, в истории его культуры, языка, верований, нравственности — во всем, что корнями своими уходит в условия материальной жизни народа на протяжении веков.⁸ Нельзя упускать из внимания и того, что «национальный характер, национальная психика и нравственность *есть* социальная психика и нравственность, которая вышла за пределы своей непосредственной базы, распространилась на другие классы и слои общества».⁹ Отсюда понятно, почему именно классический тип эстонского хуторянина в условиях буржуазной Эстонии становился как бы эталоном национального характера. Говоря же об изменении сущности характера в условиях социализма, следует учитывать, что социализм не отменяет национального, а вбирает в себя его лучшие традиции, обогащая их новым социальным содержанием. Все это следует иметь в виду, дабы избежать чересчур прямолинейных и однозначных решений. Процесс изменения эстонского национального характера следует рассматривать по крайней мере в следующих трех его разновидностях:

⁴ М. Горький, *Беседа с молодыми*. Собр. соч., т. 27. М., 1953, стр. 215.

⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 113.

⁶ См. В. Цвиркунов, *Проблема сюжета в советском литературоведении*. В кн.: *Проблемы социалистического реализма*. М., 1959, стр. 305—362.

⁷ См. Е. Добица, *Жизненный материал и художественный сюжет*, Л., 1958, стр. 147—254.

⁸ См. Ю. Суровцев, *В тисках предрассудка*. «Литературная газета» 19 ноября 1964; Н. Джусойты, *Авторитетна только истина*. «Литературная газета» 14 января 1965.

⁹ Ю. Суровцев, *На путях научной методологии*. «Вопросы литературы» 1965, № 8, стр. 114.

1) как трансформацию некоторых отживающих свой век черт национального психического склада (замкнутость, индивидуализм и т. п.) в качественно новые, зачастую противоположные, общесоветские черты (интернационализм, коллективизм и т. п.);

2) как наполнение ряда традиционных народных черт характера (напр., «правдоискательства» эстонского крестьянина) качественно новым социальным содержанием;

3) как обогащение палитры национального характера интернациональными чертами (напр., чувством семьи единой).

Эстонскому военному роману предшествовала малая проза о войне эстонских советских писателей, созданная в годы войны и в период первого послевоенного десятилетия.¹⁰ Военные рассказы Эд. Мянника и А. Якобсона посвящены в основном проявлению героической сущности идейно убежденного эстонского бойца Советской Армии (вопросы мировоззренческой перделки человека в ходе войны рассматривались лишь как один из аспектов военной темы). В произведениях же Р. Сирге, Р. Рохта, О. Тооминга, А. Хинта и М. Рауда речь идет главным образом о становлении характера человека-борца, причем — в условиях оккупированной фашистами Эстонии. Две эти темы сосуществовали как бы порознь и в единое целое синтезировались редко (пожалуй, только в рассказе Эд. Мянника «Командир орудия», повествующем о превращении в ходе войны простого деревенского парня Лааса в сознательного бойца Советской Армии, и некоторых других). Если в рассказах Эд. Мянника и А. Якобсона мы можем наблюдать уже новое качество эстонского национального характера и патриотизм героев этих произведений воспринимается уже как интернациональное чувство, то рассказам и повестям Р. Сирге и Р. Рохта явно не хватало интернациональной «наполненности».

Очевидно, что синтез этих двух тем и рассмотрение мировоззренческой трансформации как процесса (с предысторией перелома и прослеживанием дальнейшей эволюции героя), а также вписание этого процесса в общую картину народной борьбы (такую картину тоже предстояло лишь создать!) могло быть под силу только роману. Первый эстонский военный роман — «Солдаты идут домой» Ганса Леберехта — впервые был опубликован в № 1, 2 и 8 журнала «Звезда» за 1956 г. (отдельной книгой на эстонском языке вышел в 1957 г.).

Роман этот — исторически правдивое, развернутое во времени (с 1942 по 1945 г.) эпическое повествование о борьбе эстонского корпуса Советской Армии в годы минувшей войны. Но главная ценность романа Г. Леберехта не в широте охвата исторических событий, а в своеобразии раскрытия военной темы, которое идет «прежде всего от национальных специфических черт того исторического материала, который лег в основу произведения.»¹¹ Своеобразие это заключается в том, что «война против фашизма была для эстонских воинов не только школой мужества и овладения боевым опытом, но чем-то большим — временем *политической и идейной закалки, школой социалистической сознательности и советского патриотизма*»¹² (курсив наш — Н. Б.). При таком раскрытии удачно сочетаются как национальное (речь идет о процессе, глубоко типичном и существенно важном для становления эстонской социалистической нации), так и интернационально-закономерное (вспомним, как высоко оценил в свое время В. И. Ленин показанное А. Барбюсом в романе «Огонь» «превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя... в революционера именно под влиянием войны...»³¹).

¹⁰ См. R. Krusten-Lindström, Inimese kasvu kujutamise Suurt Isamaasõda käsitlevates kirjandusteostes. «Eesti NSV TA Toimetised — Ühiskonnateaduste Seeria» 1965, nr. 1, стр. 83—95.

¹¹ I. Solomõkov, Hans Leberechti loomingulisest teest. H. Leberecht, Teosed I. Tallinn, 1963, стр. 18. (Здесь и далее перевод с эстонского языка наш. — Н. Б.).

¹² Там же.

¹³ В. И. Ленин, О задачах III Интернационала. Соч., изд. 5, т. 39. М., 1963, стр. 106.

Сюжет романа не столько «система событий»¹⁴ (хотя произведение и строится как цепочка эпизодов, воспроизводящих основные этапы боевого пути Эстонского корпуса), сколько «связи, противоречия, симпатии и антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста и организации того или иного характера, типа».¹⁵ «Концепция действительности» здесь выступает прежде всего как «концепция характеров»¹⁶, а сам роман квалифицируется большинством критиков как роман психологический. Главное здесь — система характеров в их взаимоотношениях, росте и развитии, т. е. в процессе их наполнения новым социальным содержанием.

В центре внимания писателя — группа солдат одного из подразделений Эстонского корпуса Советской Армии, представляющая собой в начале повествования весьма пестрый и разнородный людской конгломерат. Автор прослеживает путь этих людей через войну к новому социальному качеству, превращение этого пестрого людского собрания в монолитный коллектив сознательных борцов за дело социализма. Наиболее рельефно процесс «превращения совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя» в сознательного воина Советской Армии показан на примере вчерашнего хуторянина Нигуласа Ныммика — одной из наиболее колоритных фигур романа. Столкновение мелкобуржуазно-индивидуалистической психологии бойца Ныммика с коллективистскими принципами жизни нашей армии — такова стержневая проблема, связанная с данным образом. В этом столкновении проявилось противоречие между некоторыми отсталыми чертами национального психического склада и интернациональными нравственными принципами. Преодолевается это противоречие «эволюционным» путем, ибо речь идет не о политических взглядах (у Ныммика и не было какой-либо четкой политической программы), а о нравственно-этических принципах поведения человека.

В истории преобразования Ныммика явственно различимы следующие основные этапы. Во-первых, проявление указанного противоречия: людской конгломерат уже становится коллективом, Ныммик же остается пока что самим собой. Следующий этап — изменение внутренних нравственных критериев: страх перед беспощадной правдивостью товарища по отделению — коммуниста Лоопере — в сочетании с чувством стыда перед ним (ведь Ныммик обманул его при раздаче пищи) и — главное — с желанием быть таким же сильным и уверенным в себе, как тот — незаметно приводит к тому, что Ныммик делает Лоопере внутренним мерилом своих поступков. Третий, наиболее значительный этап наступает в критический момент первого боя воинов Эстонского корпуса под Великими Луками: боязнь остаться в одиночестве на поле битвы заставляет индивидуалиста Ныммика не отставать от товарищей («кто поможет, если пуля ранит его?»);¹⁷ уверенность появляется от сознания, что рядом с ним Лоопере; наконец, бросив гранату в противника, Ныммик с радостью чувствует себя полноправным участником боя. Так совершилось «второе рождение» Нигуласа Ныммика. С этих пор он — член солдатского коллектива. Коллективизм становится для него привычкой, инстинктом — в бою он верен законам боевого товарищества, вытаскивает на себе из боя раненого Лоопере, но новое качество еще не стало сознанием. Сознанием оно становится тогда, когда Ныммик вместе с товарищами хоронит новоземельца Олеска, убитого кулаками, когда окончательно рушится его частнособственнический идеал и он начинает осознать, что «дарами земли можно пользоваться по справедливости, чтоб не пришлось убивать из-за них людей»¹⁸, что «фронт борьбы широк, не надо думать, что он пролегает только на передовой... Он разгорается всюду, где наши бойцы борются за новый, лучший мир. Он, может быть, иногда и в наших душах горит, этот бой...»¹⁹

¹⁴ Именно такой, несколько односторонней трактовки сюжета придерживается Л. Тимофеев (см. Л. И. Тимофеев, Основы теории литературы. М., 1963, стр. 150).

¹⁵ М. Горький, Беседа с молодыми, стр. 215.

¹⁶ Подобной концепции сюжета придерживается А. Эляшевич (см. А. Эляшевич, Характеры и сюжеты. «Звезда» 1957, № 10, стр. 193—205).

¹⁷ Г. Леберехт, Солдаты идут домой. Таллин, 1959, стр. 148.

¹⁸ Там же, стр. 405.

¹⁹ Там же, стр. 374.

Так прослеживает писатель эволюцию эстонского хуторянина, преодолевающего в ходе войны наиболее цепкое наследие прошлого — мелкособственнический индивидуализм. Ныммик идет через деяние к осознанию, и для данного социально-психологического типа подобный путь наиболее естественен и логичен. Происходит полная замена старого качества новым.

Национальную интеллигенцию в романе представляют бывший студент-юрист Вагур и художник Саммас. Для них закономерен другой путь развития — не столько через деяние, сколько через размышления. Вагур идет «от горизонта одного — к горизонту всех» (П. Элюар): если в начале повествования он озабочен лишь проблемой индивидуальной храбрости, то затем, уяснив простейшую аксиому, что «двоим товарищам под зимним небом теплее спать, накрывшись одной шинелью, чем порознь двумя»²⁰, он приходит к ощущению своей неразрывной слитности с коллективом простых советских воинов и к пониманию своей ответственности за судьбы человечества в целом. Саммас проделывает путь от бездумно-созерцательного объективизма в искусстве к искусству идейно-одухотворенному, и путь этот также лежит через войну, мимо застывшего на берегу Ловати трагически-прекрасного в своем вечном сне погибшего советского воина. Кульминационная точка в жизни бывшего коммивояжера Антса Илуса еще впереди, но и он уже в ходе войны освободился от многих «коммерсантских» черт своего характера. Погибает от руки фашиста на пороге родного дома новоземелец Олеск, который уже избавился от фатализма и твердо знал, за что борется. Так писатель показывает различные пути изменения эстонского национального характера в ходе войны и накопления в нем нового социального качества.

Если рассмотренные выше персонажи даны в основном в плане роста и организации характеров, то наиболее сознательные из эстонских воинов, люди со сложившимся мировоззрением — коммунисты Лоопере, Воог и Мыттус — раскрываются в проявлении своих качеств. Здесь перед нами другой принцип построения характера, свойственный военным рассказам Эд. Мянника и А. Якобсона. Хотя у каждого из этих героев вполне определенная функция в романе (Мыттус несет в основном осмыслительную функцию, Воог — пример беззаветной храбрости и гуманного отношения к людям, Лоопере — человек с рабочей жилкой, интернационалист-агитатор), все вместе они служат примером для остальных эстонских воинов, несут в себе тот интернациональный заряд, живительные токи которого содействуют рождению нового качества эстонского национального характера.

Как показано в романе становление коллектива эстонских советских воинов? Людей цементируют в монолитный коллектив и сама война, и коллективистские принципы жизни Советской Армии, и организаторская работа воинов-коммунистов. Автор прослеживает основные этапы превращения разношерстного «сборища», волею обстоятельств сведенного зимой 1942 г. в «земляной палате» на далеком Урале, в организованное и боеспособное подразделение Советской Армии. Кульминацией этого процесса для большинства эстонских воинов является битва за Великие Луки, когда произошло самоутверждение Эстонского корпуса Советской Армии, означавшее в то же время решение на практике векового спора с немцами, считавшими эстонцев «нацией рабов», неспособной к борьбе. Настоящим боевым коллективом становится и отделение сержанта Муста. Окончательное же политическое самоутверждение коллектива совершается уже в Эстонии: узнав о счете Олеска к кулаку Митту, товарищи протягивают ему руки «на жизнь и на смерть».²¹ Теперь, как мы видим, к задаче национального освобождения от ига немецких фашистов (к тому времени в основном решенной) добавляется задача завершения социального освобождения от своих «доморощенных адольфов».

В ходе войны меняется и тип связей между героями романа. Если в «земляной палате» на Урале мерилом отношений был «имущественный критерий» и более всего «котировались» люди типа Илуса, то в ходе войны этот критерий скоро обнаруживает

²⁰ Там же, стр. 324.

²¹ Там же, стр. 356.

свою несостоятельность, доминирующими становятся советские морально-этические критерии и прежде всего начинают ценить людей типа Лоопере, Воога, Олеска. С этой точки зрения интересно проследить, как в ходе войны поменялись местами бывший батрак Муст и бывший владелец хутора Ныммик, как Ныммик вращается в коллектив, как товарищи заботятся о Пинте — самом слабым и молодым солдате отделения. В последнем случае уже проявляется воспитательная функция коллектива.

Как же решаются писателем другие проблемы романа?

Расширение чувства Родины у эстонских воинов показано как процесс, характерный для коллектива в целом (от удивления перед восторгом Лоопере в связи с освобождением незнакомого русского города Дорогобужа зимой сорок второго года до осознания своей ответственности за судьбы всех наших народов — во время боев в Курляндии весной сорок пятого года).

Национально-патриотическая тема решена автором в том же духе, в каком она решалась всей советской литературой в годы войны²²; исторический спор с немцами для героев романа — не абстрактное понятие, а живая действительность (гарнизон в Великих Луках командует фон Засс — потомок сааремааских баронов!); однако Леберехт ошибается в определении того места, которое национально-патриотическая тема должна занимать в современном изобразительном искусстве, недооценивает ее (спор Саммаса с художником Ульстом).

В романе немного эпизодов, показывающих контакты эстонских воинов с русскими бойцами и населением, но интернационализм здесь не столько «в теме как таковой, а в идейной позиции художника»²³; поэтому упреки некоторых критиков в «оторванности» жизни и борьбы героев романа Г. Леберехта от жизни и борьбы всей армии и народа в целом²⁴ представляются нам лишними основаниями. С этим тесно связан вопрос об отражении типических обстоятельств эпохи, которые в широком смысле образуют правдивый фон времени в романе; детали военного быта, вкрапленные в повествование, придают ему историческую достоверность. Национальный же аспект типических обстоятельств раскрыт слабее: за исключением Олеска, никто из героев не несет в себе социально-политических проблем, характерных для Эстонии начала 40-х годов.

Суть «концепции действительности» романа заключается, на наш взгляд, в следующем:

- главное для писателя — не событийная сторона войны, а человек на войне;
- в ходе справедливой войны человек становится лучше, чище, гуманнее, освобождается от скверны прошлого;
- «дорога домой» прокладывается руками далеко еще не освободившихся от грязи старого мира людей; это был путь нелегкого будничного ратного труда, который герон Леберехта прошли с честью;
- каждый, пусть даже не отряхнувший еще с ног своих прах старого мира, но честный и любящий Родину солдат способен на подвиг.

Во всем этом видятся нам элементы нового подхода к изображению войны и человека на войне. Очевидно, сам национально-специфический материал романа Г. Леберехта благоприятствовал именно такому решению военной темы. Характерно, что ни сам писатель, ни критики романа еще не воспринимали это как некую новую концепцию войны в литературе²⁵ и даже критиковали писателя за отсутствие эпической монументальности в романе²⁶ (вспомним критерии тех лет!), да и сама эта новая концепция отчетливо «вырисовалась» лишь в конце 50-х гг. (в произведениях К. Симонова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др.). К тому же Леберехт обходит острые углы,

²² См. об этом: История русской советской литературы, т. III. М., 1961, стр. 44.

²³ Г. Ломидзе, Литературно-критические статьи. Тбилиси, 1962, стр. 11.

²⁴ См. К. Сондак, Дорога домой. «Дружба народов» 1957, № 2, стр. 203.

²⁵ См., напр., O. Jõgi, Eesti nõukogude kirjandus 1956. a. «Looming» 1957, nr. 3, lk. 441.

²⁶ См., напр., J. Peegel, Romaan eesti korpuse sõjateest. «Keel ja Kirjandus» 1958, nr. 2, lk. 117.

несколько облегченно решает судьбы своих героев. Поэтому можно сказать, что как по объективным, так и по субъективным причинам указанная концепция не смогла еще полностью воплотиться в рассматриваемом произведении.

Значительным шагом вперед в развитии военной темы явился роман Пауля Куусберга «Два «я» Энна Кальма», впервые опубликованный в № 11 и 12 журнала «Лооминг» за 1960 г. (отдельной книгой вышел в 1961 г.). Новаторство Куусберга проявилось в том новом видении войны, которое следует считать характерной особенностью всей советской военной прозы в годы, последовавшей за историческим XX съездом партии. Если Г. Леберехт в своем романе рассматривал процесс переделки человеческого материала в «эволюционном» аспекте, то в центре внимания П. Куусберга оказался процесс революционной ломки характера. В качестве исходного материала писатель взял судьбу представителя тех эстонских воинов Советской Армии, кто летом 1941 г., явившись на мобилизационные пункты, «просто выполнял «казенный приказ», чей идейный облик был далеко не ясен».²⁷ То обстоятельство, что многие из них вместо действующей армии попали в трудовые батальоны, еще более усугубило их идейную неустойчивость.²⁸ Процесс вживания этих людей в коллектив Эстонского корпуса был наиболее трудным, но и наиболее показательным с точки зрения мировоззренческой трансформации человеческого материала в ходе войны. Таким образом, общую для всех эстонских военных романов проблему переделки эстонцев в ходе войны Куусберг ставит и решает на наиболее сложном жизненном материале и в наиболее заостренной форме, не столько в морально-этическом, сколько в социально-политическом аспекте. Что же касается проблем, общих для всей советской военной литературы, то в постановке и решении их Куусбергом отчетливо проступает то новое, что характерно для современного этапа развития советской литературы о войне.

Если «Солдаты идут домой» — только «хроника одного подразделения», то роман П. Куусберга — и «хроника», коллективным героем которого является отделение 7 роты 3 батальона, и роман о судьбе эстонского солдата Энна Кальма, история развития которого вписывается в «хронику одного подразделения» (отсюда и два заглавия романа — «Два «я» Энна Кальма» и «Люди в солдатских шинелях»). Образ центрального героя Энна Кальма как бы раздвоен на противоборствующие «я», из которых, по словам К. Кяари, «первое настроено скептически и даже враждебно по отношению к Советской власти, второе же — честное и объективное».²⁹ Чтобы показать борьбу этих двух начал в душе своего героя, писатель прибегает даже к литературной условности, устраивая между этими двумя «я» своеобразные словесные «дуэли» в форме внутреннего диалога. Если бы писатель ограничился только этими диалогами, можно было бы усомниться в реалистической достоверности образа. Но все дело в том, что это лишь один из приемов, в целом же Энн Кальм — живой реалистический характер во плоти и крови; указанный прием, а также выделение истории Энна Кальма крупным планом лишь помогают более концентрированному, заостренному и углубленному рассмотрению писателем основного противоречия исследуемого им социального явления; диалоги двух «я» несут в основном итогово-осмыслительную функцию — это форма самоанализа героя, наиболее соответствующая логике его характера. Реалистическая же условность (а П. Куусберг не выходит за пределы такой условности), по мнению большинства советских литературоведов, не только не противоречит, но при сохранении верности логике жизни лишь обогащает арсенал художественных средств социалистического реализма. К тому же, при всей относительной самостоятельности второго, условного плана вряд ли есть серьезные основания говорить о «дуализме» произведения, ибо, как отмечает К. Кяари, «через других героев эта тема (двух «я» — Н. Б.) развивается далее как виришь, так и вглубь».³⁰ Тема первого «я» переходит в реальный образ реального врага — бывшего офицера буржуазной армии Мати Рей-

²⁷ К. Кääri, Eesti romaan 1960. aastal. «Keel ja Kirjandus» 1961, nr. 3, lk. 138.

²⁸ См. об этом П. Ларин, Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 г. Таллин, 1964, стр. 139.

²⁹ К. Кääri, Eesti romaan 1960. aastal, lk. 138.

³⁰ Там же.

нопа, изменившего Родине, второе «я» — в образы товарищей Кальма. И Рейноп, и солдаты отделения активно участвуют и в судьбе Кальма, и в жизни подразделения. В этом и видится нам «мостик» между условным и реальным планами романа, между сюжетом № 1 — историей Энна Кальма и сюжетом № 2 — «хроникой одного подразделения».

В связи с вышесказанным по-новому встает и вопрос о сюжете как «концепции действительности». Поскольку в событийную канву (которую встречаем и у Г. Леберехта) здесь вплетается и самостоятельный литературный сюжет (сюжет № 1), то может быть поставлен вопрос о «концепции действительности» не только как о «концепции характеров», но и как о конкретно очерченной «сюжетной» концепции.

В самих принципах сюжетосложения и стилистики, применяемых П. Куусбергом, по-своему преломляются новаторские искания советской литературы в целом — как в области дальнейшего развития принципов построения сюжета (ср. с панорамами «событийными» сюжетами советских военных романов конца 40-х — начала 50-х гг.), так и в области обогащения арсенала художественных средств социалистического реализма приемами реалистической условности.

В центре внимания писателя — судьба эстонского солдата Энна Кальма. Социальный генезис героя не акцентируется. В этом, очевидно, есть свой особый смысл — Кальм должен предстать перед читателем не еще одним «классовым» типом эстонского национального характера, а обобщенным образом молодого человека довоенной Эстонии, в изобилии начиненного всеми теми предрассудками, которые внушались молодежи буржуазной системой воспитания. В суровых условиях зимы 1941 г., проведенной Кальмом в трудовом батальоне, предрассудки эти ожили с новой силой и — поскольку речь идет о человеке, не привыкшем к жизненным трудностям и их преодолению — постепенно превратились в устойчивый, отрицательный по отношению ко всему советскому «комплекс» («настроение рабочих батальонов», — как пишет П. Ларин).³¹ Однако путь преодоления Кальмом этого «комплекса» был в своем роде исключительным — хотя бы в силу того, что к периоду формирования Эстонского корпуса (а с этого периода и начинается действие романа) настроение солдат под воздействием хорошо известных объективных и субъективных причин в целом уже переломилось. Кальм со своим мрачно-упрямым скептицизмом остается довольно одиозной фигурой на фоне коллектива эстонских воинов, и здесь существенную роль сыграли как раз нравственно-психологические особенности Кальма как человека: упрямство, эмоциональная «непробиваемость» и т. п., ведь при условии отсутствия в прошлом Кальма устойчивых социальных причин для антисоветских настроений (он — выходец из рабочей семьи) в период формирования Эстонского корпуса не было больше и каких-либо внешних причин для недовольства «всем и вся» с его стороны. Тем не менее «комплекс» Кальма остается, а сам путь преодоления его интересен своей рельефностью и заостренностью.

При всех своих недостатках Кальм любит родную Эстонию и мечтает видеть ее свободной; он честен и правдив. Достаточно ли этих «опорных точек» для его перевоспитания? В принципе — да, утверждает писатель, хотя дело это необычайно сложное и трудное; но ведь Советская власть верит в Человека, в его лучшее «я» и помогает ему в ходе исторических испытаний избавиться от всего плохого в его натуре. Действительно, не только высокочестным бойцам и командирам из числа эстонцев было доверено оружие, хотя Красная Армия и без двух эстонских дивизий справилась бы со своей исторической миссией. Главное здесь — это морально-политическая сторона дела; ведь проблема «можно ли доверить оружие Энну Кальму?» означает: «Можно ли поверить в народ, жаждущий освобождения своего родного края от ига «коричневой чумы», хотя «советский стаж» этого народа и исчисляется лишь одним годом?» И писатель делает ставку на доверие.

В полном соответствии со сложностью содержания образа Энна Кальма находится и сложность его композиции: образ создается как традиционными реалистическими

³¹ П. Ларин, Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945, стр. 139.

средствами, так и средствами реалистической условности. Что касается первого (и преобладающего), реалистического плана, то здесь доминируют действие и диалог. Образ как бы лепится из динамического материала, писатель формирует его в отношениях с окружающими людьми, быстро «перемещая» Кальма из одной критической ситуации в другую, причем ситуации эти требуют от героя незамедлительных ответных реакций. Писатель прослеживает развитие своего героя по трем основным направлениям. Первое из них — линия Кальм—Кирсти. В начале романа эта девушка в солдатской шинели вновь пробуждает в потерявшем человеческий облик Кальме человеческое достоинство. Несмотря на субординацию, она разговаривает с Кальмом как равный с равным; после ранения Кальма под Великими Луками Кирсти верит ему, хотя обстоятельства ранения не могут не внушать подозрения; наконец, Кирсти дарит свою любовь этому, теперь уже духовно обновленному человеку. Условно это направление можно назвать морально-гуманистическим. Вторая линия — Кальм и Мати Рейноп. Эта линия — мировоззренческо-политическая. Под Великими Луками Кальм отказывается вместе с Рейнопом перебежать к немцам, за что получает от предателя первую пулю, второй же выстрел, едва не стоивший Кальму жизни, раздается уже на освобожденной эстонской земле, «автор» тот же — Мати Рейноп; тяжелой ценой расплачивается Кальм за свою близорукость в отношении Рейнопа; с этим выстрелом окончательно гибнет «первое я» Энна Кальма. Третье направление, которое можно назвать как мировоззренческим, так и нравственным — Кальм и его товарищи по отделению. Трудно переоценить решающую роль солдатского коллектива в перевоспитании Энна Кальма. Ведь Кирсти могло и не быть, коллектив же воинов с командиром и политруком должен был быть, поскольку действие происходило в Советской Армии.

Путь Кальма может быть охарактеризован как путь коренной ломки характера. Кульминационный пункт этого пути — битва за Великие Луки, в самый критический момент которой второе, лучшее «я» Энна Кальма перевесило первое. Если до этого существовала проблема «Энн Кальм и коллектив», то после возвращения Кальма из госпиталя в строй проблема стоит уже следующим образом: «Энн Кальм с товарищами и эстонский буржуазный национализм». Таковы два основных этапа в развитии Энна Кальма.

В обрисовке коллектива, в общем следуя за Леберехтом, Куусберг ставит гораздо больше остро-конфликтных мировоззренческих проблем, показывая солдат думающими, интеллектуально богатыми людьми, уделяя значительно больше внимания отношению эстонских советских воинов к буржуазному национализму и фашизму (речь Тяагера о «трагике эстонцев»). Процесс наполнения национального характера новым социальным содержанием рассмотрен писателем в следующих его разновидностях:

- как путь коренной ломки старого и победы нового, социалистического сознания (Энн Кальм);
- как путь расцвета и обогащения лучших черт народного характера (Виллем Тяагер);
- как сложный путь трудового человека, сформировавшегося в условиях буржуазного общества, — через переоценку ценностей — к новому, советскому качеству сознания (Рюнк, Аава);
- как расширение чувства Родины эстонского крестьянина до общесоветского патриотизма (Вески).

Таким образом, писатель рассматривает как эволюционный, так и революционный пути трансформации эстонского национального характера в ходе войны.

Что касается отражения в романе типических обстоятельств эпохи, то если обстоятельства эстонской национальной жизни нашли отражение как в первом, так и во втором сюжете романа, то обстоятельства общесоветские более полно отразились в повествовании о «людях в солдатских шинелях». По отношению к Кальму коллектив выступает в роли формирующих характер этого человека типических обстоятельств. В этом — взаимодействие двух сюжетов романа.

Что касается «концепции действительности», то суть ее ярко выразилась в решении автором финала: в первом, журнальном варианте романа Кальм гибнет от пули

Рейнопа, в книжном варианте — гибнет не Кальм, а его первое, негативное «я».³² Смысл такой переделки очевиден — в нем нашла выражение более углубленная и соответствующая духу нашей эпохи трактовка гуманизма, свойственная новому прочтению войны в целом. В то же время этот гуманизм — воинствующий, призывающий к революционной бдительности.

В интернациональном значении этой концепции сомневаться не приходится.

В целом Куусберг обогатил советскую военную прозу значительным произведением о мировоззренческой трансформации человека в ходе минувшей войны — явлении, типичном как раз для прибалтийских советских народов, и в то же время закономерном для всех народов в период перехода от капитализма к социализму.

Опубликованный в № 6—9 журнала «Лооминг» за 1960 г. роман Лилли Промет «Деревня без мужчин» (отдельной книгой вышел в 1962 г.) — первый в эстонской литературе роман о судьбах эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в советский тыл эстонских граждан, о приобщении их к советскому образу жизни, о превращении их в советских людей. И выбор темы, и проблематика, и аспект изображения здесь специфично национальны, ведь речь идет не просто о советском тыле военных лет (как, например, в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры»), а об акклиматизации беженцев, прошлое которых, по словам Н. Андресена, «скорее обременяет их, чем дает опору».³³ Но в то же время «Деревня без мужчин» — произведение глубоко интернациональное, причем интернационализм его — и в теме, как таковой. Действительно, дружба народов нашей страны в годы суровых военных испытаний здесь не просто подразумевается, но показана — татарское село Такмак, место действия романа, становится в годы войны общим домом для татар и русских, эстонцев и латышей. Интернациональную тему можно (при всей условности подобной градации) подразделить на три подтемы — эстонскую, татарскую и русскую. Соответственно можно выделить основные проблемы и различия в принципах построения характеров. Центральной для эстонских героев романа является проблема наполнения национального характера интернациональным содержанием; судьбы их прослеживаются в основном в плане роста и организации характеров; каждая судьба в отдельности представляет собой, по выражению Н. Андресена, своеобразный миниатюрный «роман в романе».³⁴

Повествование о становлении характера эстонской девушки Кристины Лаэв может рассматриваться как типичный *arenguromaan* («роман развития» — эст.). Стержневой является здесь проблема столкновения чистой душой, но наивной и малоприспособленной к преодолению жизненных трудностей эстонской девушки с суровыми испытаниями первой военной зимы, когда она учится отличать настоящую красоту от мнимой, ищет и находит свое место в жизни. Особенность характера Кристины в том, что он находится еще в стадии формирования и создается в суровых условиях первого года войны. Но отсюда и определенное преимущество — такие, как Кристина, формируются с самого начала как советские люди. Кристина не была приспособлена к преодолению жизненных трудностей, но, выросшая в хорошей трудовой семье, она «привезла с собой из дому здоровые традиции»³⁵, честность и совестливость. Последнее не позволяет ей отлынивать от работы, когда все ее сверстницы трудятся на колхозном поле. Новое для нее чувство общественного долга не позволяет Кристине бросить работу учительницы в местной татарской школе, хотя у нее и не было ни педагогического, ни вообще жизненного опыта. Но, пожалуй, Кристина одна не справилась бы с навалившимися на нее житейскими тяготами. Поддержку и опору находит она не только у своей матери Тильде, но и у людей других советских национальностей — директора школы татарина Салимова, доверившего ей место педагога, русской учительницы Татьяны Лесковой, в трудную для Кристины минуту поспешившей к ней на помощь, татарского подростка Карима Колхозного, за грубоватым озорством которого пряталась душа

³² См. P. Kuusberg, *Enn Kalmu kaks mina* (Inimesed sõdurisinelis). Tallinn, 1961, lk. 289.

³³ N. Andresen, *Inimeste eneseleidmise romaan*. «Looming» 1962, nr. 12, lk. 1910.

³⁴ Там же, стр. 1910.

³⁵ Там же, стр. 1911.

бескорыстная, чистая и нежная. Писательница прослеживает становление характера своей героини по нескольким направлениям. Если в плане социальном и мировоззренческом Кристина — хотя и не сразу — приобщается к образу жизни советских людей, начинает все более и более проникаться интересами колхоза и страны в целом, формируется как человек интернационального миропонимания, то в плане личном писательница как будто притормаживает развитие своей героини, словно любясь ее инфантильностью (история взаимоотношений Кристины с лейтенантом Свенем Лутсаром). А ведь война была не только социальной и мировоззренческой школой для людей, она была одновременно и школой нравственного мужания! В целом же образ Кристины следует считать удачей автора — Кристина находит свое место в строю, учится отличать настоящее от показного, много (Карим при всей его внешней грубоватости оказывается настоящим; Лутсар при всем своем внешнем лоске — «пустышкой»); трудности первой военной зимы закаляли Кристину. Проблема наполнения национального характера интернациональным содержанием в данном случае решается не в плане переделки, а в плане становления характера советского молодого человека, социально-психологический облик которого формируется с самого начала как советский.

В романе рассмотрены и другие пути изменения эстонского национального характера в условиях советского тыла. Чувство человеческого достоинства пробуждается в душе униженной интеллигентными мещанами Лийли Ситска, выходца из бедной семьи, именно под влиянием советской действительности. Эва, сознательно эвакуировавшаяся в советский тыл, чуть было не сломилась под тяжестью невзгод первого года войны; новые нравственные качества обретает она через осознание своей необходимости людям (она становится во главе детдома, организованного в Татарии для осиротевших ребятишек). Дочь эмигрировавших в свое время в Эстонию русских аристократов Ксения Белобородова приходит к новому качеству характера вопреки своему социальному происхождению. Эстонский рабочий Ханнес и его жена Пярья акклиматизируются в Такмаке быстрее других; их путь показан писательницей как путь обогащения лучших черт эстонского народного характера интернациональным содержанием.

Представители татарского и русского населения Такмака даны в основном через раскрытие своих качеств. Такие, как директор школы Садимов, кузнец Хабибуллин, учительница Татьяна Лескова, являют собой положительный пример для эстонцев, протягивают им руку помощи, оказывают активное воздействие на процесс формирования эстонских беженцев в советских гражданах.

Но автор не обходит молчанием и некоторые теневые стороны в жизни татарского народа — пережитки байско-феодалного отношения к женщине (Фатыхов и Зуфия), мусульманские религиозные предрассудки (старая Фатима и ее сын Ахмет) и т. п. Л. Промет не отворачивается от отрицательного в жизни братского народа из ложного страха его обидеть, а смело борется за уничтожение пережитков прошлого. Писательница клеймит социальный паразитизм, пригвождая к позорному столбу «арендаторов жизни» любой национальности (Абдуллу, Йемеля, Ганеева, Лутсара и им подобных), пользуясь при этом оружием сагиры и даже гротеска.

В романе исследуются как людские характеры, так и тип взаимоотношений между героями — людьми разных советских национальностей. Если в начале повествования эвакуировавшиеся в Такмак эстонцы образуют несколько замкнутый в себе «микромир», то в ходе совместной жизни и труда у большинства из них устанавливаются с татарским и русским населением отношения братской взаимопомощи, взаимной заботы и уважения. Под воздействием нового для них типа людских взаимоотношений меняются эстонские герои романа (Кристина, Лийли, Эва).

Как отражены в романе типические обстоятельства эпохи? Более всего критических упреков связано именно с этой проблемой — писательницу обвиняют в том, что Такмак с его частными заботами оказался в значительной степени изолированным от «главных забот» времени и т. п.³⁶ Действительно, жизнь и дела эвакуирован-

³⁶ См. Vaidlustules oli Lilli Prometi romaan «Meesteta küla». «Edasi» 21. okt. 1960; O. Utt, Karmide aegade ilu. «Rahva Hääl» 28. okt. 1962.

ных в Такмак эстонцев могли быть более тесно связаны с жизнью страны в целом, автор иногда настолько увлекается бытописанием, жанровыми картинками, что создается впечатление, будто последние являются для автора некой целью в себе. Во многом здесь повинна творческая манера Л. Промет, которую эстонская критика охарактеризовала как импрессионистическую.³⁷ Однако в данном случае даже за наиболее импрессионистскими зарисовками надо уметь видеть конкретную картину социальных отношений эпохи, и «Деревня без мужчин» при внимательном ее прочтении дает для этого немало опорных точек (коллективные сцены, публицистические заставки, политические диалоги, характерные детали военного времени). Можно, конечно, спорить, достаточно ли подобных опорных точек для полноты воспроизведения типических обстоятельств, достаточно ли прочны нити, связывающие бытовые и жанровые зарисовки в романе с этими опорными точками.

Если типические обстоятельства эпохи в широком смысле образуют фон романа, то эстонские типические обстоятельства освещаются как ретроспективно, через экскурсы в прошлое героев, так и в том смысле, что многие эстонские персонажи несут их отпечаток в себе и в годы войны (семейство Ситска, например).

Что касается сюжетного построения романа, то хотя традиционная для эстонской литературы сюжетная интрига и не связывает микросюжеты романа, но объединены они не только единством места действия, но и авторской идеей, которую В. Гросс формулирует следующим образом: «Жизнь сложна и сложен рост человека в направлении общей великой цели. Сложности прошлого, как бы трудны они ни были, должны отступить перед великой главной задачей современности».³⁸ В этом, как и в ярко выраженной интернациональной идее произведения, и видится нам суть утверждаемой Лилли Промет «концепции действительности».

Действие другого эстонского романа о событиях минувшей войны — «Рассказа Эмайги» Луизы Вахер (1960) — разворачивается на территории уже освобожденной от фашистов Эстонии и охватывает период с августа 1944 г. до мая 1945 г. Если исходить из сугубо тематического принципа, то роман этот лишь в небольшой своей части подошел бы под традиционное определение военного романа. Однако по своей идейной проблематике он стоит в одном ряду с рассмотренными выше произведениями, к тому же вряд ли будет преувеличением сказать, что ожесточенная классовая борьба в только что освобожденной Эстонии была войной в самом серьезном смысле этого слова, только в более завуалированной и скрытой форме. Центральная проблема «Рассказа Эмайги», как и других эстонских романов о войне, — это мировоззренческая трансформация эстонцев. Однако ставится и решается эта проблема на материале, характерном именно для Прибалтики 1944—1945 гг., что обусловило ярко выраженную национальную специфичность и содержания, и формы романа. Естественно поэтому, что здесь в первую очередь отразились национально-специфические типические обстоятельства, эпоха в широком плане образовала лишь фон романа. Интернациональное здесь — не в теме, как таковой, а в проблематике: проблемы национально-специфические (мировоззренческая трансформация эстонцев, классовая борьба в эстонской деревне и т. п.) рассматриваются в глубоко интернациональном аспекте социалистического гуманизма.

Писательница показывает процесс трансформации эстонского национального характера в двух его основных разновидностях — революционной и эволюционной. Наиболее детально революционная ломка характера рассмотрена на примере судьбы главной героини — Аннели Халин.

Аннели Халин — типичный пример человека на распутье, происхождением своим связанного с уходящим в прошлое старым миром, но всей душой стремящегося к жизни чистой, честной и счастливой. Путь к новой жизни открывает этой женщине любовь к коммунисту Мартину Таруму, назначенному председателем волисполкома в ее родную волость. В полном соответствии с внутренней логикой характера Аннели, она

³⁷ См. N. Andresen, *Inimeste eneseleidmise romaan*. «Looming» 1962, nr. 12, стр. 1913.

³⁸ V. Gross, *Takmaki külas*. «Keel ja Kirjandus» 1961, nr. 3, стр. 183.

даже в новую жизнь входит более сердцем, чем разумом. Как справедливо отмечает С. Утт, и это — один из возможных путей к новому качеству; можно только спорить, наиболее ли он характерный.³⁹ Следует учесть и следующее: немецкая пропаганда немало постаралась для того, чтобы представить советских людей, особенно коммунистов, такими лишенными всего человеческого «монстрами»; тем более показательно, что коммунистическое открылось Аннели прежде всего как гуманистическое. Автор прослеживает развитие своей героини как в социальном и мировоззренческом, так и в личном плане. Если социальный рост Аннели вне всяких сомнений, то, к сожалению, мировоззренческий рост ее явно не поспевает за первым. Что же касается интимной линии романа, то, хотя «концепция любви» в данном случае и пронизана жизнеутверждающим, гуманистическим пафосом (любовь не отгораживает человека от мира, она — не тихая гавань среди бурь, а наоборот, открывает Аннели выход в солнечный мир коммунистической человечности), автор явно преувеличивает эмоционально-стихийную сторону этого чувства, в результате чего любовь приобретает несколько мелодраматический оттенок роковых страстей. В итоге оказывается приглушенным знаменательное начало у героини; наивно полагая, что все «как-нибудь уладится», Аннели не выдает властям скрывающегося от возмездия брата-бандита, в то же время и в о в о в ней уже настолько сильно, что ничто не может оторвать Аннели от Мартина. Трагическое противоречие между новым качеством характера и старым уровнем сознания решается в кульминационной сцене романа следующим образом: Аннели сама стреляет в брата-фашиста, уговаривающего ее бежать за границу, и отдает себя в руки советского правосудия. Гуманистическая концепция романа особенно рельефно выступает в решении автором финала романа: если в эстонском тексте Аннели с радостью принимает приговор суда и отправляется в места заключения, то в русском переводе она приговаривается судом лишь к условному наказанию.⁴⁰ В этом нельзя не видеть углубления гуманизма романа (ср. с двумя вариантами концовки «Двух «я» Энна Кальма»). Главное же в том, что в характере Аннели произошел перелом, что трагизм социального заблуждения преодолен активным социальным действием героини. В данном случае писательница утверждает победу нового качества в человеке вопреки его социальному происхождению. В романе исследуются различные разновидности процесса трансформации эстонского народного характера в новых социальных условиях. Путь превращения домашней рабыни кулаков Кийгаров Минны в сознательного труженика социалистической деревни, пробуждение в ней под влиянием коммуниста Ваари человеческого достоинства тоже может рассматриваться как путь революционной ломки характера; при этом традиционные черты эстонской крестьянки, обогащенные социалистическим смыслом, раскрываются в своем новом, лучшем качестве. Эволюционным можно назвать путь сельского активиста Ласта. В данном случае традиционные для эстонского крестьянина искания правды и справедливости не только приводят Ласта в ряды борцов за новую жизнь, но делают его бескомпромиссным борцом за то, чтобы революцию делали чистыми руками. Путь сельского коммуниста Лео Ваари может быть охарактеризован как путь постепенного количественного накопления черт новой морали. При создании этих образов автор использует сочные краски народного языка и юмора.

В то же время Л. Вахер показывает глубоко антинародную сущность сторонников «третьей возможности» — как их националистические лозунги и подлые дела идут вразрез с наиболее священными принципами здоровой народной нравственности (фанатичная националистка Эмилия Теннола готова оправдать даже такую мерзость, как убийство бандитами маленького сына Яана Ласта).

Осмысление и оценка процессов, происходящих в эстонской деревне того времени, является предметом спора между комендантом уездного города Макаровым и уездным начальником госбезопасности Сисасом. Здесь сталкиваются два разных понимания сущности социалистического гуманизма. Если концепция Макарова базируется на дове-

³⁹ O. Utt, Ajastu ja inimesed. «Sirp ja Vasar» 3. märtsil 1961.

⁴⁰ Л. Вахер, Рассказ Эмайыги. М., 1965, стр. 471.

рии к разуму и совести простого труженика, то Сисас выступает сторонником всеобщей подозрительности. Жизнь подтверждает глубокую правоту Макарова — можно и нужно доверять таким, как Аннели, Минна, Ласт. Концепция Макарова в сущности своей совпадает и с наиболее здоровым народным взглядом на вещи — в этом видится нам наибольшая ценность утверждаемой Луизой Вахер «концепции действительности». Так интернациональное смыкается с национальным в лучшем смысле этого слова.

Какие выводы можно сделать из сказанного нами об эстонских военных романах?

Во-первых, интернационализм находит в них самые разнообразные формы проявления: как «наполнение» национального характера новым социальным содержанием; как эволюция самого типа взаимоотношений между людьми к новому социальному качеству; как интернациональное в теме (роман Л. Промет), проблематике (романы Леберехта, Куусберга, Вахер), идейной позиции писателей и т. п.

Во-вторых, новое в характере, приобретенное героем эстонского военного романа в ходе войны, не означает утерю им национального качества, наоборот, в целом ряде случаев мы имеем дело с подчеркнuto народными характерами (образы Тягера, Ласта, Ваари, Минны, Ханнеса и Пярьи), обретающими как бы «вторую жизнь» в советских условиях. Но это, естественно, не единственный путь трансформации национального характера; главное — что в любых вариациях исследуемого нами процесса имеет место расширение горизонтов национального, его обогащение интернациональными качествами.

В-третьих, более гибко и диалектически стала прослеживаться связь между социальным происхождением и развитием характера человека; писатели отходят от излишней прямолинейности и однозначности при решении проблемы характера, исследуя процесс его развития во всей его социально-психологической сложности.

В-четвертых, писатели ищут способы наиболее адекватного совмещения в пределах одного и того же произведения «судьбы народной» и «судьбы человеческой», отходя от привычных шаблонов; для эстонских военных романов (особенно — романов Куусберга и Вахер) характерно вписание крупным планом судьбы человека в картину судьбы народной, в них доминирует аналитический принцип изображения.

В-пятых, эстонский военный роман — при всей национальной специфичности рассматриваемых в нем проблем — по принципам своего подхода к военной теме оказывается существенно близким произведениям нового прочтения войны в советской литературе в целом.

Анализ диалектики национального и интернационального в эстонских романах о Великой Отечественной войне помогает, по нашему убеждению, наглядно проследить рост интернациональной «наполненности» произведений советских национальных литератур на современном этапе их развития, являющийся одним из основных путей сближения культур советских социалистических наций.

*Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
21/1 1966

N. BASSEL

INTERNATSIONAALNE JA RAHVUSLIK SUURT ISAMAASÕDA KÄSITLEVATES
EESTI ROMAANIDES

Resümees

Suurt Isamaasõda käsitlevate eesti nõukogude romaanide — H. Leberechti «Sõdurid lähevad koju» (1956), P. Kuusbergi «Enn Kalmu kaks mina» (1960), L. Prometi «Meesteta küla» (1960) ja L. Vahtra «Emajõe jutustus» (1960) — keskseks probleemiks tuleb pidada inimese ümberkujunemist sõja ajal. Seda ümberkujunemist võib vaadelda ka rahvusliku karakteri transformeerumisenä, väljaarenemisenä uueks, sotsialistliku kvaliteediga karakteriks. Ühtlasi näidatakse neis teostes uut tüüpi inimsuhte väljakujunemist eestlaste eneste vahel, mille puhul samuti võib kõnelda uuest sotsiaalsest kvaliteedist. Kuna kõik see avaldub just karakterite arengus ning teose süžees, peaks esmajoones nende komponentide vaatlemine võimaldama *internatsionaalse* ja *rahvusliku* sisemise dialektika uurimist kirjandusteostes. Niisuguse uurimise metodoloogiliseks aluseks on nõukogude kirjandusteadlaste G. Lomidze, M. Parhomenko, J. Surovtsevi, K. Kraulinši jt. tööd rahvusliku karakteri probleemidest, M. Gorki põhjapanevad mõtted ja kirjandusteadlaste V. Tsvirkunovi, J. Dobini jt. uurimused kirjandusteose süžees.

Võime väita, et H. Leberecht on oma romaanis «Sõdurid lähevad koju» käsitletud põhiliselt rahvusliku karakteri evolutsioonilist ümberkujunemist sõja kestel. Romaani süžeealine areng näitab eredalt, kuidas muutuvad eesti sõjameeste omavahelised suhted ja kujuneb võitlejate nõukogulik kollektiiv. P. Kuusbergi romaanis «Enn Kalmu kaks mina» võetakse vaatluse alla maailmavaateline murrang inimeses, kusjuures karakteriprobleem on lahendatud sotsiaal-poliitilisest aspektist lähtudes. Peale kollektiivi arengut käsitleva süžee esineb romaanis ka kindlapiiriline süžeealine intriig (lugu E. Kalmu kahest minast), mille kaudu avaneb selgepiiriline, oma põhisuunitluselt võitlevalt humanistlik tegelikkuse kontseptsioon. L. Prometi «Meesteta külas» käsitletakse kõlbelisest aspektist mitmeid eesti rahvusliku karakteri arenguvõimalusi sõjaaegse Nõukogude tagala tingimustes. Teoses puudub ühtne süžee, kuid romaani mikrosüžeesid ühendab autori elujaatav idee. Erinevalt eelmistest vaatleb L. Promet ka erinevaist nõukogude rahvustest inimeste sõpruse kujunemist sõjaoludes. L. Vaher on oma «Emajõe jutustuse» põhiprobleemi, s. o. inimese uuekskujunemise fašismi ikkest äsja vabastatud Eesti NSV-s, lahendanud internatsionaalsest humanismist lähtudes. Ka rahvuslikke karaktereid vaatleb kirjanik uutes sotsiaalsetes oludes. Teose humanistlikuks kontseptsiooniks on usaldus inimese vastu.

Rahvusliku karakteri uuekskujunemise erinevate vormide, uut tüüpi inimsuhte väljakujunemise ja Nõukogude rahvaste sõpruse käsitlemine ning internatsionaalse kõla-õõga kontseptsioonid — kõiges selles avaldubki eesti nõukogude sõjaraomanide sügav internatsionalism.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Keele ja Kirjanduse InstituutSaabus toimetusse
21. I 1966

N. BASSEL

DAS INTERNATIONALE UND NATIONALE IN DEN DEN GROSSEN
VATERLÄNDISCHEN KRIEG BEHANDELNDEN ESTNISCHEN ROMANEN

Zusammenfassung

Als das zentrale Problem der den Grossen Vaterländischen Krieg behandelnden estnischen sowjetischen Romane [H. Leberecht, «Soldaten kehren heim» («Sõdurid lähevad koju»), 1956; P. Kuusberg, «Die zwei «Ich» des Enn Kalm» («Enn Kalmu kaks mina»), 1960; L. Promet, «Ein Dorf ohne Männer» («Meesteta küla»), 1960; L. Vaher, «Die Erzählung des Emajõgi» («Emajõe jutustus»), 1960] ist die Umgestaltung des Menschen im vergangenen Krieg zu bezeichnen, die auch als Transformation des nationalen Charakters, als dessen Entwicklung zum qualitativ neuen sozialistischen Charakter zu betrachten ist. Gleichzeitig wird in den erwähnten Werken die Herausbildung neuer Beziehungen zwischen den Esten selbst geschildert, was gleichfalls als neue soziale Qualität zu bezeichnen ist. Da diese Prozesse gerade in der Entwicklung der Charaktere und im Subjekt zum Ausdruck kommen, müsste in erster Linie die Betrachtung dieser Komponenten die Einsicht in die internationale und nationale innere Dialektik des literarischen Werkes ermöglichen. Als methodologische Grundlage für die Erforschung dieser

Dialektik dienen die Werke der sowjetischen Literaturkundigen G. Lomidze, M. Parcho-
menko, J. Surowtsew, K. Kraulinš u. a. über Probleme des nationalen Charakters, auch
M. Gorkis grundlegende Ideen sowie Untersuchungen der Literaturkundigen W. Zwirku-
now, J. Dobin u. a. über das Sujet des literarischen Werkes.

Im Roman von H. Leberecht «Soldaten kehren heim» wird die evolverische Umgestal-
tung des nationalen Charakters im Krieg behandelt. Die Entwicklung des Sujets wird
klar, wie sich die Beziehungen zwischen den estnischen Soldaten ändern und das sowje-
tische Kollektiv der Kämpfer sich entwickelt. Im Roman von P. Kuusberg «Die zwei «Ich»
des Enn Kalm» wird die weltanschauliche Wendung des Menschen unter Betrachtung
gestellt und das Problem des Charakters vom sozial-politischen Gesichtspunkt ausgehend
gelöst. Ausser dem die Entwicklung des Kollektivs behandelnden Sujet gibt es im
Roman auch eine genau umrissene Sujetintrige (die Geschichte der zwei «Ich» des Enn
Kalm), wodurch sich eine deutlich umgrenzte Konzeption der Realität eröffnet, deren
Tendenz kämpferisch humanistisch ist. Im Roman von L. Promet «Ein Dorf ohne Männer»
sind verschiedene Entwicklungsmöglichkeiten des estnischen nationalen Charakters in
den Verhältnissen des sowjetischen Hinterlandes der Kriegszeit vom moralischen Gesicht-
spunkt ausgehend berücksichtigt worden. Im Werk gibt es kein einheitliches Sujet, doch
verbindet die lebensbejahende Idee des Autors die Mikrosujets des Romans. Im Unter-
schied zu den vorigen Werken betrachtet L. Promet auch die Bildung der Freundschaft
zwischen Menschen verschiedener sowjetischer Nationalitäten unter Kriegsverhältnissen.
Das Hauptproblem des Romans von L. Vaher «Die Erzählung des Emajögi» — die
geistige Wiedergeburt des Menschen in den Verhältnissen des kürzlich vom faschistischen
Joch befreiten Estlands — wird vom internationalen humanistischen Gesichtspunkt
betrachtet. Auch beobachtet die Schriftstellerin volkstümliche Charaktere unter neuen
sozialen Verhältnissen. Die humanistische Konzeption des Werkes besteht im Vertrauen
zum Menschen.

In der Behandlung verschiedener Formen der Umgestaltung des nationalen Charak-
ters, der Herausbildung neuer menschlicher Beziehungen, der Gestaltung der Freundschaft
der Sowjetvölker, der Verkörperung von Konzeptionen internationaler Resonanzkraft —
in all dem kommt der Internationalismus der estnischen Kriegsrömane zum Ausdruck.

*Institut für Sprache und Literatur
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 21. Jan. 1966